

ГЛАВА 1

Вера поставила на стол поднос и сняла с него тарелки с закусками.

— О! Пища! — обрадовался Гойда. — За-мучили тебя ироды в погонах, а? Признавайся и ничего не бойся, Вера. При мне они тебе мстить не будут.

— Сейчас не будут, а когда уйдете, то накинута вся толпой, — резонно заметила Вера и, указывая на каждую тарелку пальцем, принялась шевелить губами. — Ну все. Кажется, ничего не забыла. И чайник горячий.

— Спасибо, Вера, — донесся с порога голос генерал-майора Петра Николаевича Орлова, зашедшего в свой кабинет.

— Обращайтесь, — улыбнулась Вера. — А теперь могу идти?

— А который час? — Орлов поднес к лицу руку и сощурился, пытаясь разобрать цифры на циферблате.

— Половина уже, — подсказала Вера. — А мне надо было еще минут двадцать назад уйти.

— Иди, конечно! — спохватился Орлов.

— Всем пока!

Вера вышла из кабинета. Курившие под приоткрытой форточкой Лев Иванович Гуров и его друг, напарник и коллега Стас Крячко, переглянувшись, одновременно ткнули сигаретами в пепельницу.

— Давайте, по-быстрому, — распорядился Орлов. — Рабочий день не резиновый.

Гуров достал из-под стола бутылку армянского коньяка, горлышко которой было перевязано золотистой шелковой лентой.

— С прошедшим тебя, Игорь! — Он торжественно вручил Гойде коньяк. — Наш дружный коллектив поздравляет тебя с днем рождения. Оставайся таким же хорошим мальчиком, каким был все эти годы. Кстати, сколько тебе набежало?

— Да какая разница! — отмахнулся Орлов. — Гуров, что у нас там?

— А у нас пиво, — возвестил Крячко.

— Отставить, — спокойным тоном подвел черту Гойда и указал на бутылку в своей руке. — У нас не пиво. Подходящая посуда найдется?

Орлов подошел к шкафу, открыл дверцу и непонимающе уставился на полки.

— Ничего не понимаю... были же... Куда я их дел?

— Вера сразу бы нашла, — поучительным тоном заметил Гуров. — Стопки у нас в кабинете, ты их сам нам отдал.

— Зачем я это сделал? — растерялся Орлов.

— Сказал, что на хранение, — пожал плечами Гуров.

— Давайте уже хоть что-нибудь, — взмолился Гойда.

— Я принесу, — сдался Крячко. — Лева, дай ключи.

Игорь Федорович Гойда работал в другом месте, в своей конторе, на Петровке, 38, бывал исключительно по служебной надобности и далеко не сразу перешел на «ты» с маститыми сыщиками. Но время, проведенное с ними, а также общее дело, которым они занимались, сначала притянули их друг к другу, а потом и заставили лишний раз оценить тот факт, что сплоченность и умение работать в одной команде — это довольно крепкий залог на будущее сотрудничество. О будущем Гойда старался не думать — служба в отделе уголовного розыска была не только трудна, но и, как известно, опасна. С этим утверждением мог бы поспорить разве что дурак, и таких немало встретилось за то время, которое четверка провела вместе. Игорь

Федорович не коллекционировал эпизоды, которые раскручивал вместе с Львом Гуровым, Стасом Крячко и их шефом генерал-майором Орловым, но если бы он озаботился подобным, то сбился бы со счета.

Гойда расплылся в улыбке.

— Эхма, лето не зима, — сказал он. — Балуете вы меня коньячком, граждане сокамерники.

— Рождайся почаще, а то встречаемся только по команде дежурной части, — посоветовал Орлов.

— Научишь? — подмигнул ему Гойда. — Минуту. — Он вынул из кармана телефон, взглянул на дисплей. Сдвинул брови и поднес телефон к уху. — Да, Паша? Привет.

Гурову сразу стало понятно, что праздник отменяется. Гойда отошел в центр кабинета и стал внимательно слушать то, что ему говорили. Не перебивал, не задавал уточняющих вопросов и напряженно смотрел в пустую стену.

— Где там Стас? — понизив голос, спросил Орлов у Льва Ивановича.

— Откуда я знаю? Сейчас придет. Может, в туалет завернул.

Гойда опустил руку с телефоном и повернулся к коллегам.

— В районе Филевского парка в подъезде обнаружили женщину. Судя по всему, нападение.

— Тяжелая? — уточнил Гуров.

— Без сознания. Поехали.

Возникший на пороге Крячко так и застыл на месте.

— А я стопки принес, — разочарованно протянул он.

— Зря старался, — ответил Гойда и удивленно посмотрел на Льва Ивановича. — Чего стоим? Поехали.

Стас сгрузил стопки на стол и вопросительно взглянул на Орлова.

— Отпускаете, Петр Николаич?

— Отпускает, — вместо Орлова ответил Гойда. — Все равно вас бы вызвали. Если выдвинемся прямо сейчас, то будем на месте... через сколько будем-то?

— Не знаю, пробки везде, — пробурчал Стас. — На ком поедем?

— Вот и не будем терять время, — решил Гойда. — А машина за нами уже выехала. Свои же здесь оставьте, а потом вас подвезут обратно. Нам там не пять минут торчать. Спрячь пока что мой подарок, Петр Николаевич, — обратился он к Орлову, указывая на коньяк. — Отложим веселье. Сам знаешь, что гулять лучше со спокойным сердцем.

Подъезд дома, где произошло преступление, выходил не во внутренний двор, а в тупик, где была небольшая парковка для

жителей дома, и сейчас здесь было не протолкнуться от большого количества машин — полиция и «Скорая», стараясь занять максимально близкую к подъезду позицию, наглухо перекрыли дорогу. Поэтому пришлось дать задний ход и останавливаться метрах в ста от дома.

— Вот недотепы, — беззлобно заметил Стас, открывая дверь автомобиля. — Заполнили все пространство.

— Это ты о ком? — поинтересовался Гуров. — О наших?

— Наши тут ни при чем. Каждый раз, когда вижу автомобильный затор там, где его не должно быть, вспоминаю годы беззаботной юности, — ответил Стас. — В то время «Скорая» запросто могла проехать к нужному подъезду, пожарные тоже не жаловались. А сейчас...

— Вроде он не пил, — усмехнулся Гойда, обращаясь к Гурову и отстегивая ремень безопасности.

— А кто его знает? — ответил Лев Иванович. — Когда он за стопками в кабинет ходил, его никто не видел. Может, и накатил для разгона.

— Сейчас помру от смеха, — с серьезной миной отозвался Стас. — Дыхнуть?

Гуров и Игорь Федорович Гойда, выйдя из машины, осмотрелись. Двор как двор,

дом как дом. Полно таких по всей стране. Ничего примечательного. Две новехонькие и яркие детские площадки, разделенные сквером. Кирпичный крытый отсек с контейнерами для мусора, разделенный на несколько секторов. И автомобили всех мастей, включая парочку такси, караваном выстроившиеся вдоль бордюров.

Гойда достал телефон, провел пальцем по экрану.

— На месте. Где вас искать?

Гуров и Крячко пошли вперед. На ходу пожимали руки знакомым, перебрасывались словами. На дворе было начало ноября, а вот первый снег задерживался. Однако воздух был свеж, а температура по ночам уже стояла ниже нуля, и легчайший морозец покусывал кожу рук и почему-то подбородок.

Ближе всего к распахнутым дверям подъезда стояла «Скорая». Задние двери были открыты, салон пустовал. Гуров подошел к парню, сидевшему за рулем.

— Давно тут?

— Минут двадцать, — ответил тот. — Не представляю, как отсюда выбираться.

— Только задом, — сочувственно пробормотал Лев Иванович.

— Ага. Если до того времени еще кто-нибудь не приедет.

— Ну на нас не гони, — попросил Гуров. — Мы тоже не смогли подъехать. Бросили машину еще за поворотом.

— Вот и я о том же.

— Если не получится, то попросим местных убрать тачки, — продолжал Лев Иванович. — Говоришь, минут двадцать ждешь?

— Примерно так.

Лев Иванович обернулся. Стас и Гойда стояли неподалеку, рядом с ними была молодая женщина, которая им что-то объясняла.

«Явно не из аборигенов, — решил Гуров. — И кто такая?»

— Лев Иванович! — позвал Гойда. — Подойдешь?

«Нет, домой поеду, — родилась мысль в голове Гурова. — Что я здесь забыл?»

Он подошел ближе. Женщина, до того стоявшая к нему спиной, обернулась и окинула его внимательным взглядом. «Красивая, себе на уме», — вынес вердикт Гуров. Выше среднего роста, с гладкими темными волосами, забранными в короткий округлый хвост, со строгим и даже недовольным выражением лица, она напомнила Гурову серьезную сотрудницу МФЦ, которая неделю назад всем своим видом показывала Гурову, что его мелкие проблемы в виде задолженности по квартплате за два месяца ее не касаются и никогда не коснутся. Лев Иванович пове-

селится тогда от души. Он пытался смягчить обстановку: улыбался девушке, посочувствовал тому, что здесь у них ой как все сложно и серьезно — люди-то разные приходят. Но сотрудница никак не реагировала, и Гуров тогда подумал, что надо завязывать с мужским кокетством. Не дано, значит, не дано.

Девушка, стоявшая сейчас рядом с Гойдой, по-видимому, не считала себя лишней.

Стас и Лев Иванович обменялись короткими взглядами.

— Позволь представить, — простер руку в сторону незнакомки Игорь Федорович. — Это Виктория Сергеевна Кораблева, следователь из местного отдела УВД. Капитан, между прочим.

— Очень приятно. Лев Иванович.

— И мне приятно, — улыбнулась Виктория.

— Теперь все в сборе. Пошли?

— Погоди-ка, — остановил Гойду Гуров.

Из дверей показались медики с носилками. Лежавшая на них молодая женщина была без сознания, на это указывала ее рука, свисающая с края носилок. Она болталась в такт шагам фельдшеров, и будь ее обладательница в ясном уме, она бы постаралась уложить руку удобнее и ближе к телу. Голова лежавшей была повернута в противоположную от сыщиков сторону, лица было не

разглядеть и не понять, остались ли на нем следы нападения.

Оба фельдшера были немолодыми мужчинами, но кроме них и водителя, который тут же бросился открывать задние двери «Скорой», никого, казалось, не интересовал вопрос взаимовыручки. Неподалеку стояли, наблюдая за происходящим, несколько прохожих, и один из них снимал происходящее на телефон. Льва Ивановича внезапно как холодным душем окатило. Он сделал в направлении оператора несколько шагов и остановился перед ним, заслоня обзор. Парень недовольно вскинул брови.

— Отвали, мужик, — он сделал шаг в сторону, но Гуров повторил его движение.

— Как же вы достали, — с чувством произнес он.

— А тебе что за дело? — осведомился парень, опуская руку с телефоном.

— Не помню, чтобы мы вместе пили на брудершафт, — ответил Гуров и достал удостоверение.

Завидев ксиву, парень тут же убрал телефон и медленным шагом пошел прочь.

— Если кто-то из моих снова увидит тебя здесь, то пеняй на себя, — посоветовал Гуров.

— Имею право, — бросил через плечо парень и зашагал быстрее, угроза, очевидно, подействовала.

Гуров понял вдруг, что все имеют на что-то право, но не всегда верно трактуют понятия. Он вполне лояльно относился к современным веяниям в социуме. Правила поведения, принятые сейчас, в нынешнее время, радикально отличались от тех, которым когда-то учили самого Льва Ивановича. Поделаться с этим было ничего нельзя — менялся мир, и оставалось только подстраиваться под него, отменяя свои прошлые привычки. Однако Гуров был уверен, что что-то не должно видоизменяться никогда, потому что такие понятия, как такт и сочувствие, никто не отменял.

— Оставь его в покое, — услышал он за спиной голос Стаса. — Чего ты к нему прицепился? В первый раз, что ли?

— Не знаю, что на меня нашло, — ответил Лев Иванович и отвернулся от раздражающего объекта. — Устал, видимо. Видеть таких не могу.

— Надо было тебе выпить и никуда не ездить.

— А так можно было?

— А когда нас что-то останавливало? — улыбнулся Стас. — Это шутка, конечно. Но сейчас давай работать.

Гуров бросил взгляд в сторону «Скорой». Женщину уже погрузили в машину, и он увидел только спины фельдшеров, обтянутые синими форменными куртками.

Вернувшись к Гойде и следователю Кораблевой, Гуров ожидал услышать упрек в свой адрес. Ну как же: не сдержался, проявил эмоции вместо того, чтобы действовать оперативно и безотлагательно. Одним словом, нарушил протокол. Но вместо этого он услышал совсем другое.

— Спасибо, — поблагодарил его Гойда. — Ты исполнил мою мечту. Каждый, мать его, раз, простите, Виктория Сергеевна, на месте преступления хоть один такой тиктокер да объявится. И ведь ничего не боятся. Лезут, следы затаптывают.

— Согласна, — едва заметно улыбнулась Виктория Сергеевна.

— Начинайте, пока все в сборе.

— Пойдем наверх? — указала следователь на подъезд. — По пути расскажу.

Подниматься пришлось по лестнице, так как в доме было пять этажей, а лифт отсутствовал. Однако сам дом нельзя было назвать «хрущевкой» из-за просторных лестничных пролетов и натянутой между ними стальной сетки и высоких потолков. Виктория Сергеевна шла впереди всех, но то и дело поворачивала голову набок, чтобы ее могли услышать.

— Примерно в двадцать два пятнадцать гражданин Серов, проживающий в этом же доме, решил выйти в магазин.

— Так поздно? Что же за магазин такой? — удивился Гойда.

— Уже проверили. Небольшой частный магазин в соседнем доме. Работает до двадцати трех часов. Серову захотелось выпить, такое часто с ним случается. Утверждает, что его в магазине давно знают, и не только в нем. В общем, скрывать ему нечего.

— Употребляет, значит, — покачал головой Гойда. — Адекватный хоть? А то наговорит того, чего не было...

— Употребляет, да, но на тот момент был трезв. Дослушайте до конца, пожалуйста, — мягко прервала Игоря Федоровича Виктория. — Сам Серов проживает на пятом этаже. Пострадавшую обнаружил на четвертом. В полицию обратился сразу же, мы прибыли без замедления. До того Серов своими силами попытался привести соседку в чувство, но быстро понял, что сам не справится. Пострадавшая — Александра Николаевна Долецкая, тридцати четырех лет. Поначалу сосед решил, что она упала и потеряла сознание от падения... или наоборот: упала, потеряв сознание. Но мы предполагаем, что на нее напали. На площадке остались следы борьбы, а на стене обнаружили следы крови. Скорее всего, она ударилась в том месте головой. Все произошло здесь, возле ее собственной квартиры.

— Раз известен адрес проживания женщины, значит, при ней были документы! — обрадовался Стас. — Отлично.

— Да, рядом с ней лежала женская сумочка. В ней я нашла паспорт. Адрес совпадает. Эксперты уже начали осмотр места преступления. Вы уж извините, мы не стали вас дожидаться.

— Все нормально, — произнес Гойда. — Кто первым встал — того и тапки. Если долго ждать, то ничего не успеешь.

Он ступил на четвертый этаж. Виктория отошла в сторону, пропуская Гурова и Стаса.

На площадке возились два эксперта-криминалиста. Один осматривал выкрашенную зеленой масляной краской стену, а другой фотографировал пол, выложенный старой, столь любимой строителями в советские времена коричневой плиткой. Гуров был благодарен такому подарку: современные напольные и настенные покрытия выглядят чудесно, но гораздо хуже «держат» отпечатки пальцев и любые следы, которых и без того найти сложно.

— Ну что там? — обратился он к эксперту, занимавшемуся осмотром стены. Тот вопросительно взглянул на Викторию Сергеевну, и она кивнула, тем самым подтверждая, что Гуров и все, кто с ней пришел, имеют право задавать такие вопросы.

— Вот здесь ее головой и приложили, — указал на стену эксперт. — Отпечатков пальцев тут мало, более половины смазанные. В этом углу только ее квартира, даже соседская подальше будет. Ну много ли людей в этом месте хваталось за стену?

— Немного, — согласился Гуров.

— Вот и я о том же, — пожал плечами эксперт.

— А что по характеру расположения отпечатков пальцев?

— Тоже непонятно. Позднее смогу сказать, но сейчас... вы уж извините.

— А дверь квартиры осмотрели?

— Да. Тоже пока без ответа. Отпечатки пальцев есть. Наиболее четкие в районе дверной ручки и чуть ниже.

— Чуть ниже? — не понял Гуров.

— Может, она ползком до дома добиралась, — усмехнулся эксперт. — А вообще-то это хорошо, что люди редко моют двери с внешней стороны. Как видите, иногда может пригодиться. Отпечатки пальцев маленькие, будто детские. Но выводы делать рано.

Гуров подошел к входной двери и внимательно осмотрел замок.

— Попыток взлома не вижу, — сказал он. — Дверь заперта. Она шла домой, когда все случилось, или, наоборот, из дома?

— Домой, — подала голос Виктория Сергеевна. — На обуви были грязевые разводы. Но на полу вы их не найдете, потому что пока она поднялась на четвертый этаж, она практически вытерла подошву обуви о ступени. Но на лицевой части ботинок грязь сохранилась.

— Не сказать чтобы она сильно сопротивлялась, — подал голос второй сотрудник, сидящий на корточках. — Я бы сказал, что она была пьяна и пыталась станцевать вальс. Ее следы расположены хаотично, будто бы на льду ноги разъехались. И отпечатки подошв именно от ее ботинок — здесь даже экспертиза не нужна, там рисунок запоминающийся. А вот тот, кто на нее набросился, оставил очень странные отпечатки. Следов подошвы не видно. Очевидно... ну я не знаю... — Он распрямился и задумчиво взглянул на пол. — Как будто он был в бахилах.

— Спасибо. — Гуров повернулся к Виктории Сергеевне. — А что там с сумкой?

— Женя, покажи сумку, — попросила следователь.

Женей оказался тот парень, который занимался осмотром стены. Он подошел к своему чемодану и вынул из-за него пакет.

Гойда и Крячко подошли ближе. Желтая с черными разводами сумка, которую вынул

из пакета Лев Иванович, оказалась сделанной не из кожи или ее подобия, а из плотного тканого материала. Она напоминала торбу, в которой все предметы, как правило, всегда болтаются в одной куче.

— Паспорт у меня, — напомнила Виктория Сергеевна.

— Перчатки дадите?

Женя протянул Льву Ивановичу перчатки.

— И мне, Женя, — попросила следователь. — Спасибо. И постелить что-нибудь, если можно.

Эксперт протянул Гурову сложенную газету.

— Больше у меня ничего нет, — извиняющимся тоном произнес он.

— Сойдет.

Лев Иванович кивком указал в сторону лестничного пролета, на подоконник. Виктория Сергеевна стала спускаться к окну на лестничной площадке.

— Стас, а ты поговори-ка с тем самым соседом, — попросил Гойда. — Виктория Сергеевна, он где?

— А я тут. Тут! — раздался голос сверху, и все разом подняли головы.

С самого верхнего этажа спускался худой мужичок. Гуров окинул его внимательным взглядом. Тип, каких можно встретить в каждой точке страны родимой. Непременно

несвежие, с грязной желтизной на вытянутых коленках джинсы, зачастую чистая, но обязательно мятая байковая клетчатая рубашка или футболка и взлохмаченные волосы вместо аккуратной прически.

— Серов Анатолий Дмитриевич, — представился мужичок, продолжая спускаться. Стас подошел к нижней ступеньке, подождал, пока Серов спустится на площадку, но тот остановился раньше, ступенькой выше.

— Со мной уже следователь поговорила, — напомнил он.

— А со мной еще нет, — заметил Стас. — Расскажите, как было дело?

— Конечно, конечно! — с готовностью захохотал Серов и вытянул шею, рассматривая экспертов. — А ее уже унесли? Жива?

— Жива, — ответил Стас. — А теперь поведайте историю о том, как вы обнаружили вашу соседку. Прямо с самого начала.

— В общем, собрался я в магазин. Есть тут у нас один, который поздно закрывается. Продавщица там, Ленкой зовут, вы ее спросите, она скажет, что я нормальный...

Лев Иванович уже не прислушивался. Вечная история, одно и то же. Миллион раз слышал. Пусть Стас разбирается.

Они с Викторией подошли к подоконнику. Она расстелила газету, Лев Иванович

принялся вынимать и раскладывать вещи из сумки пострадавшей.

— Я оставила у себя только паспорт, — сказала следователь. — Содержимое сумки особо не рассматривала. Посмотрела, конечно, но не более. Тщательный осмотр отложила до вашего приезда.

— Зря сразу тщательно не осмотрели, — заметил Гуров. — Иногда самые важные улики можно обнаружить по горячим следам.

— Связка ключей у экспертов, — продолжила Виктория Сергеевна.

— Где вы их нашли?

— В углу, возле двери в ее квартиру.

— И ключи подходят к замку?

— Подходят.

— Понятно.

Сумка оказалась наполнена совершенно обычными вещами. Маленькая массажная щетка для волос, влажные салфетки, наушники в футляре, косметичка, леденцы от кашля.

— Я хотела обратить ваше внимание вот на что, — Виктория Сергеевна опустила руку в сумку и вынула из нее маленький пакет с апельсиновым соком.

— «Для детей с 3-х месяцев», — прочитал Гуров надпись на упаковке.

— И вот это, — на ладони Виктории Сергеевны, обтянутой синей медицинской пер-

чаткой, лежала пачка печенья с нарисованным на упаковке тигренком.

— Вскрытая, — резюмировал Гуров. — Детский сок, печенье для детей, детские отпечатки пальцев на внешней стороне двери... Полагаете, у нее есть дети?

Виктория Сергеевна кивнула.

— В паспорте есть такая отметка. Степан Алексеевич Долецкий, две тысячи восемнадцатого года рождения. Мальчик родился в мае, сейчас ему два с половиной года.

— А у вас есть дети? — спросил Гуров, складывая вещи в сумку.

— Есть. Тоже мальчик. Он у моих родителей живет, в Питере, ему три года. Мы с мужем пока что в Москве, а ребенка таскать туда-сюда не хочется. Там у него садик, друзья...

— А муж тоже служит в полиции?

— Тоже. Но он преподаватель.

— Наверное, надолго в Москву приехали, если снялись с места вместе с супругом?

— Посмотрим. Пока что на год, а там видно будет.

Лев Иванович стянул перчатки, машинально сунул их в карман. «Ребенок, значит, — завертелось у него в голове. — Сок и печенье, значит. Обычно мамы берут их с собой только в том случае, если рядом будет находиться ребенок. Или все время носят в сумке. Этакий запас на всякий случай».

— Виктория Сергеевна, а кроме детского сока и печенья ничего интересного не замечаете? — спросил он.

— В сумке нет мобильного. Кошелек тоже отсутствует.

— Правильно, — качнул головой Гуров. — Их нет. Обычно деньги и телефон оставляют дома, если уходят ненадолго.

— Думаете, ребенок может быть в квартире? — догадалась Виктория Сергеевна. — Но не факт, что сын проживает вместе с матерью. Был бы телефон, мы бы это точно установили. Обычно хоть одна фотография собственного ребенка в телефоне матери обязательно находится. И потом, пострадавшая могла возвращаться домой одна. Например, после того как отвезла сына к тем же родителям.

— Вполне вероятно... — согласился Гуров и запнулся.

С первого этажа послышался громкий шум от чьих-то быстрых шагов. Гуров посмотрел вниз и увидел водителя «Скорой», с которым разговаривал недавно на улице. Водитель же, задрав голову, увидел, в свою очередь, Льва Ивановича и остановился.

— Спуститесь вниз, пожалуйста! — крикнул он. — Пациентка наша там совсем с ума сошла!

Гойда, разговаривающий с экспертом, встретился взглядом с Гуровым.

— Займитесь пока вот этим, — попросил он, протягивая сумку Виктории Сергеевны. — Я разберусь.

Спустившись на первый этаж, Лев Иванович услышал за спиной частые шаги. Вскоре его догнала Виктория Сергеевна.

— Я с вами, — на ходу бросила она.

Возле «Скорой» она оказалась первой. Быстро забралась внутрь через задние двери. Гуров поспешил следом.

Пострадавшая, которая еще полчаса назад была без сознания, пыталась встать с кушетки и в прямом смысле слова выла, при этом еще пытаясь что-то сказать. Ее взгляд выражал одновременно растерянность и ужас. На месте женщину удерживал один из медиков, а его напарник растерянно топтался рядом. Следователь оттерла его плечом и тут же взяла ситуацию в свои руки.

— С ней можно поговорить? — спросила она.

— Под вашу ответственность, — раздраженно ответил тот медик, что стоял рядом с носилками.

— Нам нужна минута.

— Минута порой равна вечности, — ответил фельдшер и взглянул на коллегу. Тот

кивнул. — Но умирающие так тоже себя не ведут.

— Я успею, — уверила их Виктория Сергеевна, и фельдшер отступил.

Гуров тотчас занял его место. Все произошло очень быстро. Виктория Сергеевна опустила на сиденье рядом с носилками и, положив руку на лоб пытающейся встать на ноги Александры, мягко на него надавила. Женщине ничего не оставалось, кроме как запрокинуть голову и снова принять лежачее положение. Сделала она это, правда, не быстро, но сопротивляться уже не стала. Разом ослабела и беспомощно уронила руки. Фельдшер, пытавшийся добиться того же эффекта, тут же ослабил хватку.

— Александра, вам нельзя вставать, — твердым тоном произнесла Виктория Сергеевна. — Лежите.

— Это ведь «Скорая помощь», — слабо произнесла женщина. — Я ведь не ошибаюсь? Это она? Почему я здесь?

— Не ошибаетесь. Догадываетесь, почему здесь оказались?

Александра мелко затрясла головой.

— Помните, что с вами произошло? — спросила Виктория Сергеевна.

Александра поморщилась, но ничего не сказала.

— Вы ударились головой и потеряли сознание, — сообщил Гуров. — Вас обнаружил сосед, он же вызвал полицию. Это все, что мы знаем. Получится вспомнить то, что было перед этим?

— Степа. Где Степа. Где мой сын.

Александра не спрашивала — интонация была отнюдь не вопросительной. Скорее, она констатировала факт отсутствия в поле зрения собственного ребенка. Этого Гуров и боялся. После предположения Виктории Сергеевны о том, что потерпевшая возвращалась домой одна, он вдруг понадеялся на чудо: никто не пропал, а искать нужно только преступника.

— Значит, ребенок все же был с ней, — посмотрела Виктория Сергеевна на Гурова.

— Так вот кого она звала, — пробормотал фельдшер.

Александра повернула голову в его сторону.

— Дайте его мне. Куда вы его дели?

— Ну я уж точно ни при чем, — фельдшер растерянно посмотрел на Викторину Сергеевну.

— Сейчас у нее все виноваты, — отозвалась та и тут же снова переключилась на Александру. — С вами был сын?

Александра обвела отчаянным взглядом всех, кто был в салоне автомобиля, и

остановила взгляд на Виктории Сергеевне. Схватила ее за рукав пальто и с силой сжала пальцы.

— Где мой сын? — прошептала она.

— Это мы и пытаемся выяснить, — ответила Кораблева. — Но сейчас вам нужна помощь. А пока вы здесь, то постарайтесь вспомнить...

— Что произошло, Александра? — перебил следователя Гуров.

Виктория Сергеевна не шевелилась. Не пыталась высвободить рукав из пальцев на смерть перепуганной Александры, а потом погладила ее по руке. Мягкое успокаивающее движение заставило пострадавшую на миг прикрыть глаза, но Гуров понимал, что вряд ли удовольствие заставило ее это сделать. Скорее, она вот-вот могла потерять сознание, а допустить этого никак было нельзя.

— Домой возвращались, — вдруг быстро заговорила Александра. — Потом вдруг накрыло... ударили. Нет, сначала сзади, а потом головой прямо в стену. Толкнули. Нарочно толкнули. Сын был рядом... я его руку выпустила, чтобы... чтобы ключ...

— Во что был одет мальчик? — быстро спросила Виктория Сергеевна. — Александра? Посмотрите на меня, пожалуйста.

Женщина послушно перевела взгляд на следователя.

— Как выглядит ваш сын? — не отставала Виктория Сергеевна.

— Оранжевый комбинезон, — послушно забормотала Александра, — желтая шапочка с «ушками», серые...

Больше она не произнесла ни слова. Ее глаза закатились, голова скатилась набок.

— Черт! — выругался фельдшер.

Виктория Сергеевна тут же поднялась с сиденья.

— Можем ехать? — с издевкой в голосе спросил фельдшер.

— Можете.

— Вот прям низкий вам поклон.

— Не ерничайте, — не осталась в долгу Кораблева. — Вы без моей помощи до сих пор ее пытались бы уложить. А наш с ней разговор и минуты не занял.

Гуров с Викторией Сергеевной выбрались из «Скорой». Захлопнулись двери, водитель сел в кабину и, громко проклиная припаркованные машины, стал сдавать назад, пытаясь вывести автомобиль на свободу.

Гуров молча пошел в сторону подъезда. Вид у него, очевидно, был очень суровым, поскольку жильцы, которым срочно приспичило покурить возле подъезда и там же выгулять собаку, поспешно сделали вид, что происходящее их вовсе не интересует.

— Всех на уши, — повернулся Гуров к следователю. — Слышите меня? Это же ваш район. Участкового и всех незанятых из отдела сюда. Обшарьте каждый куст, каждый подвал, каждый угол. Приметы известны, возраст тоже. Не теряйте времени, начинайте немедленно. Гойде можете не докладывать, он бы вам все равно дал те же указания. Я сам с ним решу все вопросы. Пропал маленький ребенок, возможно похищение. И у нас еще есть шанс его найти. Вы все поняли, Виктория Сергеевна?

— Так точно.

— Действуйте.

— Опрошу всех, кто на улице, — решила Виктория Сергеевна и направилась к пожилому мужчине с таксой.

— Идите, — разрешил Гуров. — А мы с Игорем Федоровичем поищем внутри дома.

Войдя в подъезд, он вынул из кармана телефон и дождался ответа от Орлова. Во время разговора понял, что очень хочет закурить, но сигарет в карманах не нашлось.

Первым в квартиру Долецкой вошел Игорь Федорович Гойда. Посветив фонариком, обнаружил выключатель. В коридоре зажегся свет. Гойда прислушался и покачал головой.

— Тишина, — объявил он. — Надо осмотреть комнаты.

Комнат в квартире было три, но ни в одной не оказалось маленького мальчика Степы. В ванной комнате и в туалете его тоже не было. Гойда проверил дверь на балкон — заперта.

— Ну вот тебе и «на всякий случай», — пробормотал он. — Говорил же: кто будет вырубать мамку, а ребенка запирают в доме? Зачем?

— А ты что, в голову каждому преступнику сможешь залезть? — раздраженно спросил Гуров. — Ребенок тут точно жил. Детская комната полна игрушек. Кроватька опять же...

Они вышли из квартиры, Гойда аккуратно запер дверь и протянул ключи эксперту.

— Хорошо бы осмотреть все квартиры, — заметил он. — Да только кто нам даст?

За его спиной замаячила фигура Стаса, неподалеку топтался растерянный Серов.

— Ничего? — с надеждой в голосе спросил Гойда.

— Ничего интересного или важного, — сообщил Стас. — История о вечном: захотел выпить — пошел в магазин — попал в замес. Знает потерпевшую всю жизнь. Проживала тут с рождения. Потом вышла замуж, родила ребенка — Серов неоднократно видел, как она с мужем и малышом приезжала сюда на машине. Потом она переехала сюда уже

окончательно, но только с сыном. Папа и мама сейчас за городом и, похоже, перебрались туда насовсем. Проживала здесь одна, без мужа, без любовника. Серов утверждает, что заметил бы, если бы рядом с ней был мужчина. Часто ее видел издали, сталкивались во дворе или в подъезде. Говорит, что одинокую женщину всегда видно издали.

— В принципе, соседи так друг друга и видят, — добавил Гуров. — Вроде бы знают все, но о подробностях не в курсе.

— Теперь то, что было сегодня, — продолжил Стас. — Серов говорит, что, до того как наткнулся на соседку, ничего не видел и не слышал. Ни шума, ни криков. Ни в подъезде, ни под окнами, нигде. Но добавляет, что дома в этот момент у него работал телевизор. Теперь уже и не проверишь, но я вполне это допускаю. Когда он увидел лежащую на лестничной площадке соседку, то моментально бросился на помощь. Нашупал пульс, попытался сделать искусственное дыхание. И только потом дотумкал, что надо вызвать полицию и «Скорую». Вызвал. И до их приезда не отходил отсюда ни на шаг. По его словам, ребенка рядом не было.

— Тогда вот что, — Гойда поскреб ногтями подбородок. — Стас, отправляйся-ка ты по квартирам. Поговори с людьми. Может, кто-то что-то видел или слышал. Время

позднее, но, судя по тому, что на представление собралось около десятка зрителей, есть шанс ухватить что-то стоящее.

— Понял. Начну с первого этажа, — кивнул Крячко и пошел вниз.

— Я с вами, — раздался голос Виктории, а через минуту и сама она появилась на лестнице. — Поговорила с людьми на улице, но ничего нового не узнала. Все были заняты своими делами, в окна никто не смотрел, на балкон не выходил, и, как назло, подъезд был пуст.

— Ты уже сообщил Орлову? — спросил Гойда у Гурова.

— Да. Передал приметы.

— Вот и славно.

Эксперты-криминалисты, закончив свои дела, собрали чемоданы и удалились. Гуров и Гойда остались на площадке одни. Лев Иванович достал мобильный телефон, чтобы сообщить генерал-майору Орлову обстановку, но Гойда остановил его руку.

— Что думаешь? — спросил он.

— Не знаю, — признался Гуров. — Пока ясности нет. Толком с матерью поговорить не удалось. Если бы не твоя Виктория, то мы бы ни слова не поняли. А она моментально взяла ситуацию в свои руки. Но пока что картина, как ты и сам уже понял, такая: ■ женщина с сыном возвращались домой, она

отпустила руку ребенка на секунду, чтобы вставить ключ в замок, после чего на нее напали, а ребенок исчез. Похищение налицо, а вот в том, было ли покушение на убийство, я не уверен. Долецкую лишили возможности сопротивляться и помешать похищению сына, не более того. Хотели бы убить — довели бы тогда дело до конца.

— Тогда дуй на Петровку, Лев Иванович, и пробей Долецкую по всем нашим базам, — сдвинул брови Гойда. — Просто так ребенка у матери не похищают. Должна быть причина.

— Ну не надо мне только очевидные вещи объяснять, — ответил Гуров. — Разумеется, поищу причину похищения мальчишки. Но пацан, возможно, ушел сам. Этого тоже исключать нельзя.

— Как так? — не понял Гойда. — Посмотрел на то, как кто-то лупит его маму, и решил, не теряя времени, прогуляться перед сном?

— Дети, Игорь Федорович, живут не умом, а хотелками, — поучительным тоном произнес Гуров. — Бывает, что идут туда, куда глаза глядят. Помнишь случай, который лет пять назад был? Ну зимой, когда мать головой о лед ударилась?

— Не напомним?

— Зима, скользко. Мама упала, ударилась головой о лед, потеряла сознание, потом по-

пыталась встать. А ее пацан, который в это время играл в трех метрах от нее во дворе, решил пройтись. Про маму он и не вспомнил. Погулять захотел, паршивец.

— Да, Лев Иваныч, припоминаю. Тоже маленький ребенок ведь был. Но его, кажется, быстро нашли? Участковый, который, к счастью, проходил неподалеку, и матери помог, и ребенка догнал. Не наш случай.

— Не наш. Зато начало как подходит, а?

Не так уж часто Льву Ивановичу приходилось иметь дело с детьми. Пару раз он был вынужден общаться с ними на каком-либо мероприятии, куда кто-то из приглашенных приводил отпрысков. Что же касается непосредственно службы, то преступлений, в которых были замешаны дети, и подавно можно было по пальцам пересчитать. Но и в них в большинстве фигурировали подростки, а не малолетние дети. Поэтому Лев Иванович никак не мог собраться с мыслями. Точнее сказать, не складывалась в мозгу полноценная картинка случившегося. Пусть даже условная. Искать причину нападения на молодую женщину ему было проще и привычнее, чем докапываться до того, почему вдруг исчез маленький человек. И самым сложным было то, что Лев Иванович и хотел, и одновременно боялся его найти. И свой, и чужой опыт под-

сказывал ему, что поиски не всегда могут увенчаться успехом.

— Ну что, поеду тогда на Петровку, — решил Лев Иванович.

В этот момент послышался звук открываемого рядом дверного замка. Гойда и Гуров одновременно повернули головы в сторону квартиры, расположенной по соседству с квартирой, откуда они только что вышли.

Это была соседка Долецкой. Невысокая, худенькая, темноволосая девушка в огромной серой толстовке, безразмерных спортивных штанах и таких же великанских пушистых тапочках. Она с опаской выглянула из-за двери и, увидев сыщиков, замерла на месте.

— Здравствуйте, — поздоровался Гуров.

— Здравствуйте? — с вопросительной интонацией произнесла девушка.

— Уголовный розыск. Можно вас на минуточку?

— Господи, — испуганно прошептала девушка. — Пять секунд.

Она выгнулась назад таким образом, прислушиваясь к тому, что происходит внутри квартиры. Гуров тоже прислушался, но ничего не услышал.

Соседка вышла на лестничную площадку и прикрыла дверь.

— Дочка, — шепотом объяснила она. — Болеет. Вот... караулю. А вдруг чего?

— А что с дочкой?

— Не знаю. Но температуры пока нет.

— Сколько лет дочке?

— Почти три года. Иногда не понимаешь, что с детьми происходит. Первым делом температуру бежишь измерять, горло смотреть, но на самом деле заболеть может чем угодно. Если завтра будет капризничать, то вызову врача.

Гойда выступил вперед и раскрыл свое удостоверение.

— Разрешите взглянуть? — спросил он.

Девушка нахмурилась.

— Куда взглянуть? — не поняла она.

— Можно зайти? — решил перефразировать слова Гойды Лев Иванович.

— Зачем?

— Возле вашей двери напали на вашу соседку, — пояснил Гойда.

— На Сашу? — ахнула девушка.

— Да, на Александру Долецкую, — подтвердил Гойда. — По некоторым данным, с ней должен был находиться ее ребенок. Если позволите, то мы бы осмотрели вашу квартиру.

— Не понимаю... — девушка раздраженно смахнула невидимый волос с лица. — Степка пропал? А как это? Убежал куда-то? Потерялся? Или что?

— Как к вам можно обращаться? — спросил Гойда.

— Марина.

— А по отчеству?

— Да не надо по отчеству, — отмахнулась девушка. — Я ведь... слушайте, но я ведь не глухая... господи, да как же так... я... а во сколько это случилось? Ой, дурацкий вопрос, вы же, наверное, и сами не знаете.

— Почему же не знаем? Знаем, — спокойно ответил Гойда. — Примерно в десять часов вечера. Сейчас половина двенадцатого. Где вы были полтора часа назад?

Девушка на миг прикрыла глаза.

— Дома я была. С дочкой, в ванной. Отвлечь пыталась. Уточки, мыльные пузыри. Вот... вот! — она округлила глаза. — Вот почему я ничего не слышала! Вода же шумела.

— Логично, — согласился Гойда.

Из-за двери донесся детский плач.

— Я сейчас, — подскочила Марина.

Она исчезла за дверью, забыв ее закрыть. Гуров заглянул в прихожую и в тот же миг увидел Марину с маленькой девочкой на руках. Ребенок выглядел сонным и явно был недоволен всем миром. Увидев Льва Ивановича, малышка скривила губы и спрятала лицо за плечом матери.

— Успокойте ребенка, — сказал Лев Иванович. — Мы подождем.

Марина вышла к ним почти сразу же.

— Дала дочке книжку-раскраску, все равно теперь не уложишь. Минут пять у меня есть.

— Вы близко общались с Александрой? — спросил Гойда.

— Я бы не сказала, что мы были неразлейвода, но какие-то общие точки соприкосновения, конечно, имелись, — объяснила Марина. — Те же дети. Моя-то чуть постарше Степки будет. Господи, у меня мурашки. Ну как так вышло? Нормально же все было, насколько я в курсе. Хотя...

— Договаривайте, — попросил Гойда.

— К Саше иногда приезжал ее бывший муж. Ну отец ребенка который, — она многозначительно замолчала.

— Многообещающее начало, — не выдержал Гуров.

— Зря иронизируете, — понизила тон Марина. — После его визитов у нее глаза были на мокром месте. Проверили бы этого кадра. Вдруг это его рук дело?

— Соседка сама говорила вам когда-нибудь, что у нее сложности с бывшим мужем?

— Говорить не надо, я и сама все видела. Но вы правы: я могу ошибаться, — согласилась Марина и посмотрела в сторону двери соседской квартиры. — Господи, как же теперь быть?

— Возвращайтесь к ребенку, — посоветовал ей Гуров. — Если что-то вдруг вспомните, то позвоните следователю Кораблевой в свой отдел полиции. Трубку снимет дежурный, он вас с ней соединит.

— Хорошо, — закивала Марина. — Кораблева. Запомню.

— Спокойной ночи.

— До свидания...

Дверь закрылась.

Игорь Федорович и Гуров спустились на первый этаж. По пути встретили Стаса и Викторию Сергеевну, обходивших квартиры.

— Никто ничего не видел, — сообщил Стас. — Как назло. Такое ощущение, что нападавший долго следил за соседями и прекрасно знал, когда в подъезде будет пусто.

— Позвонила волонтерам, — добавила Виктория Сергеевна. — А ребята из отдела сейчас объезжают соседние улицы. Только что девушка в одной из квартир попалась, у которой тут много знакомых, выгуливающих собак в районе десяти вечера. Обещала их обзвонить. Ребенок ярко одет. Может, кто-то и заметил.

— На Петровке тоже все в курсе, я Орлова предупредил, — сказал Гуров. — Видео с камер наблюдения надо запросить. Вдруг на записях что-то увидим? Найдем парня. Никуда не денется.

Он попросил у Стаса сигарету и, выйдя на улицу, закурил. К подъезду подъехала белая «Тойота», из которой с деловым видом вышли два парня. Один окинул Гурова внимательным взглядом.

«Свои», — понял Лев Иванович и молча кивнул новоприбывшим.

ГЛАВА 2

Стас поставил на стол кружку, бросил в нее чайный пакетик и вопросительно посмотрел на Гурова.

— Тебе приготовить?

— Давай.

Струя кипятка наполнила кружку Льва Ивановича. Стас отставил в сторону чайник и с силой растер лицо ладонями.

— Всего два часа спал, — словно в оправдание сказал он.

Гуров отложил в сторону раскрытую папку.

— Ты прав, голова не варит. Значит, ничего?

Крячко отрицательно покачал головой, после чего взял кружку и подошел к окну.

— По нулям. Подвалы осмотрели. Чердаки проверили. Ребята из местного отдела полиции по второму кругу опрашивают жителей. Долецкая с детства жила в этом доме

постоянно, но был период, когда она проживала с мужем по другому адресу. Потом вернулась, но мужа рядом с ней никто не увидел. Соседи в душу к ней не лезли, решили, что они развелись. С тех пор Долецкая проживает в квартире одна, а ее родители переселились на дачу. В доме остались несколько человек, которые хорошо знакомы с этой семьей, они характеризуют Долецкую крайне положительно. Говорят, что она легко шла на контакт, не отказывала людям в помощи даже после работы. Она же врачом-терапевтом была до того, как уволилась, ты успел прочитать?

— Успел, — ответил Гуров. — Работала в районной поликлинике, из которой уволилась. А что там наш Орлов? Он сегодня будет?

— Глаз не сомкнул, — ответил Стас. — Сказал, что если получится, то приедет после обеда, а если нет, будет на связи. Но приказал слушаться Гойду. Так что мы теперь под началом прокуратуры. Хвала богам, что Гойду знаем сто лет, а то вдруг пришлось бы подчиняться кому-то другому, решившему, что его амбиции важнее всего.

— Такое было-то всего один раз, — лениво произнес Лев Иванович. — Но ты прав — повторения не хотелось бы. Кстати, Стас. Как тебе эта Кораблева?

Стас распечатал пачку сигарет, шелкнул зажигалкой и только потом приоткрыл форточку.

— Да не знаю, — пожал он плечами, вынув сигарету изо рта и выдыхая в стылое утро дым. — Не надменная. Умная. По мне, так это самое главное. Кроме того, не вылезает вперед и знает свое место.

— Сравнил Главное управление и рядового следователя, — закатил глаза Гуров. — Хотя она могла бы повыступать — все-таки протезе Гойды.

— Думаешь, он ее решил протолкнуть?

— Не знаю. Но никак не пойму одного: зачем ему понадобилась женщина на поле боя? Нас ему вдруг стало не хватать?

— Прежде всего она следователь, — напомнил Стас и стряхнул за окно пепел. — Спроси у него сам, — посоветовал он. — Лично мне это неинтересно.

— Забудь.

— Профессиональная ревность, Лева, хоть раз, но возникает у каждого.

Гуров не успел ответить. В дверь постучали.

— Проходите, — громко разрешил Стас.

Дверь отворилась. На пороге стояла капитан юстиции — Кораблева Виктория Сергеевна. Сейчас, не при искусственном освещении, а при дневном, хоть и тусклом, она выглядела иначе, чем прошлой ночью. На

ней была короткая кожаная куртка красного цвета и узкие черные джинсы, а на стройных ногах красовались высокие кожаные сапоги. При всем желании представителем закона ее было назвать нельзя — уж слишком неподходяще для этого она выглядела. Лицо у нее было свежим, несмотря на бессонную ночь и довольно серьезный уровень мероприятия, в котором она участвовала еще несколько часов назад.

— Привет, — просто поздоровалась она и без приглашения направилась к столу Льва Ивановича.

— Игорь Федорович прислал меня вам в помощь, — улыбнулась Виктория Сергеевна. — Не прогоните?

— Ну что вы, — ответил Гуров. — С радостью примем в свою команду.

— Вот и славно.

Следователь положила перед ним на стол папку, которую до этого держала в руках.

— Здесь все, что удалось узнать на этот момент. — Она обернулась и приглашающе кивнула Стасу. — Присоединитесь?

— Момент.

Крячко затушил сигарету, взмахнул рукой, разгоняя остатки сигаретного дыма, и закрыл окно. Он подошел к столу, за которым сидел Гуров, и оперся руками о столешницу.

— Сразу скажу, что про мальчика мы ничего не узнали, — сообщила Виктория Сергеевна. — Весь город на ушах стоит. Участковый с раннего утра обещал обойти все проблемные точки.

— Это какие же? — уточнил Гуров.

— Алкаши, наркоманы, — принялась перечислять Кораблева. — Есть еще одна многодетная семья, в ней восемь детей, только трое из которых родные, а остальные приемные. Те, кто из детского дома, ведут себя хорошо, а вот эти трое в последнее время постоянно мелькают в сводках. Не они, конечно, а их имена.

— О как, — подал голос Стас.

— Да, вот так, — подтвердила Виктория Сергеевна. — И такое бывает.

— А почему участковый решил, что дети могут быть причастны к нападению и исчезновению ребенка? — не понял Гуров.

— Возможно, они не причастны. Но вполне могли в это время находиться неподалеку. Они любители уходить из дома и возвращаться домой тогда, когда им хочется. Понимаете? — Она пытливо заглянула Гурову в глаза.

Лев Иванович не выдержал и отвел взгляд.

— Убедили.

— Все, что могу. А теперь к делу, — Кораблева вмиг стала серьезной. — Игорь Фе-

дорович рассказал мне о показаниях соседки Долецкой. О том, что ее бывший муж мотал ей нервы.

— Чаю хотите? — перебил девушку Лев Иванович.

— А?.. — растерялась Кораблева. — Да, можно. Было бы прекрасно. Голова болит.

— Стас, сообразишь?

Крячко приложил к чайнику ладонь.

— Еще горячий.

Виктории Сергеевне заварили чай в именной кружке Гурова, подаренной ему коллективом десять лет назад. На этой махине была золотая надпись «Юбиляру на долгую память».

Виктория Сергеевна сделала глоток и снова склонилась над документами, принесенными с собой.

— Бывшего мужа Долецкой мы нашли. Он сейчас не в Москве, но через несколько часов мы сможем с ним поговорить. Он уже в курсе случившегося, мы ему позвонили. Видимо, у него все же имеется алиби.

— А он где сейчас? — спросил Стас, снова дергая форточку за ручку.

— Он в Австрии. Сказал, что был там на конгрессе. Я проверила, медицинский конгресс по психотерапии завершился как раз вчера. Длился он несколько дней, и Долецкий сказал, что его алиби смогут подтвер-

дить несколько человек, включая персонал отеля, коллег и знакомых.

Лев Иванович с неподдельным уважением взглянул на Кораблеву.

— И как вам показалось? Он был искренен в своих показаниях?

Виктория Сергеевна вынула из кармана сигареты, подошла к окну и остановилась рядом со Стасом.

— Можно? — протянула она руку за зажигалкой. — Не люблю, когда за мной ухаживают. Я и сама могу прикурить.

Через несколько секунд Гуров почувствовал тяжелый запах крепких сигарет.

— Я думала о том, каким мог быть его мотив совершения преступления, — призналась она. — Я ночевала не дома, а в дежурной части. Уснуть все равно не смогла. Ну и размышляла на эту тему. Смотрите: у Долецкого, если верить словам соседки, проблемы в отношениях с бывшей женой. И мы не знаем почему. Сдержаться он не может даже во время редких визитов, когда приезжает навещать ребенка. Иначе почему после его отъезда у Долецкой были глаза на мокром месте? Он вполне мог захотеть заполучить сына. Он обеспеченный мужчина, держит клинику неврозов на Старом Арбате. Представляете, сколько стоит особняк в центре Москвы? ■ Конечно же, представляете.